

Французская историография Бородинского сражения

Зарубежная историография Отечественной войны 1812 г. чрезвычайно обширна. Беглые обзоры иностранной литературы по теме 1812 г., которые в XX в. сделали А.М.Васютинский, Л.Г.Бескровный и Н.А.Троицкий, могут дать лишь общее представление о характерных особенностях зарубежных исследованийⁱ.

Наибольший интерес вызывает, конечно, французская историография 1812 г. Тема Бородина в ней является ключевой, позволяющей представить своеобразие национальной историографической традиции изучения всей “русской кампании”. Мы будем вынуждены остановиться только на ключевых работах и публикациях, предопределивших главные черты французской историографии данной темы. Французская историография Бородинской битвы начинается с Наполеона. В 18-м бюллетене Великой армии, помеченном 10 сентября и составленном, без сомнения, при непосредственном его участии, Наполеон попытался представить “битву при Москве-реке” как полную и решительную победу над русскими войсками. По утверждению бюллетеня, уже к 8 часам утра неприятель был сбит со всех позиций, и хотя после этого он еще пытался их вернуть, но был отражен; к двум часам пополудни сражение фактически было закончено. Русские потери оценивались в 40–50 тыс., французские — в 10 тыс. “Не было подобно го поля битвы, — сообщал бюллетень. — Из шести трупов один принадлежал французу, а 5 — русским”. В целом, благодаря бюллетеню, битва должна была предстать как упорное сражение, которое, благодаря героизму солдат Великой армии и гению императора, оказалось решительно выиграно: русская армия полностью разбита, а дорога на Москву совершенно открытаⁱⁱ.

Эта картина сражения была рассчитана на публику, как на свою, так и на европейскую. Похожие цифры своих и неприятельских потерь Наполеон называл в письме 9 сентября, адресованном австрийскому императору Францу I. Однако днем ранее, в письме к императрице Марии-Луизе, он говорил о 30 тыс. русских потерь и уклончиво (“У меня было много убитых и раненых”) — о своихⁱⁱⁱ. Общие силы

неприятеля перед сражением во всех трех документах оценивались Наполеоном в 120–130 тыс. чел. Развитие того взгляда на Бородинскую битву Наполеон продолжил на о. Св. Елены, диктуя там свои воспоминания. Упоминания бывшим императором событий русской кампании, и “москворецкой битвы” в частности, оказались расставлены по страницам изданий Е. Лас-Каза, Г. Гурго и Ш.-Т. Монтолона, которые вышли в 1823 г. Численность русской армии перед сражением здесь возрастает уже до 170 тыс., а образы французских героев Бородина приобретают поистине эпические черты.

Однако наполеоновская версия Бородинского сражения получила рас пространение не сразу. Первые публикации о русской кампании, вышедшие после первого отречения императора, носили ярко выраженный критический характер. В воспоминаниях хирурга Р. Буржуа и в работе роялиста Р.-Ж. Дюрдана Бородинское сражение упоминается как тяжелейшая битва, не имевшая решительных последствий для всей кампании^{iv}.

Гораздо более подробно повествовал о великом сражении Э. Лабом, бывший в те дни инженером–капитаном в штабе 4–го корпуса вице–короля Италии Е. Богарне. Основываясь почти исключительно на своих воспоминаниях и записях, которые он делал во время похода, Лабом все же смог показать, как важно было для Великой армии заставить русских принять сражение, разгромить их и войти в Москву. Хотя автор и не пытался дать глубокого анализа хода и результатов сражения, но страницы, ему посвященные, были проникнуты суровым трагизмом бесполезности великих жертв французской армии^v.

В 1815 г. в Лондоне на французском языке (а в 1817 г. — в Париже) выходит книга Ф.–Ф.–Г. Водонкура, бригадного генерала, в 1812 г. командира 2–й бригады 15–й пех. дивизии 4–го армейского корпуса^{vi}. Генерал Водонкур, пережив все перипетии кампании 1812 г. и даже побывав в русском плену, тем не менее сохранил веру в величие императора и французского солдата. Он был первым, кто попытался представить систематизированное изложение русской кампании. Избегая скоропалительных выводов по Бородинскому сражению, Водонкур сделал попытку выяснить численность войск, их размещение, передвижения и потери. Однако ограниченность

документальной базы заставила его следовать, чаще всего, за 18-м бюллетенем, внося, правда, серьезные коррективы. Так, численность русских потерь он снизил до 30 тыс., а французские увеличил до 20 тыс. чел.

Через год после смерти Наполеона, в 1822 г., были переизданы бюллетени Великой армии; вместе с ними оказались опубликованными рапорты И. Мюрата, М. Нея, Е. Богарне и Ж.-А. Понятовского о битве при Москве-реке^{vii}. Эти материалы создавали, хотя и небольшую, но весьма необходимую документальную базу для дальнейших исследований.

В 1823 г. анонимно вышло первое издание работы Ж. Шамбрэ, участника похода в Россию (в те дни капитана гвардейской конной артиллерии), попавшего при Березине в русский плен. В последующих двух изданиях (1825 и 1838 гг.) имя автора было уже указано^{viii}. Работа, которую предпринял Шамбрэ, носила не только узкоисторический характер. Автор должен был обобщить опыт русской кампании и представить определенные практические выводы для военного министерства Франции. Именно поэтому военный министр в 1821–1823 гг. маршал К.-Ф. Виктор предоставил Шамбрэ возможность работать с документами военного министерства. Действительно, книга оказалась в значительной степени свободной от разного рода идеологических воздействий национального, личностного и иного характера. Тон ее сдержанный, оценки скупы, но весьма доказательны. Именно в таком ключе автор подошел и к описанию Бородинского сражения. Необходимость догнать и уничтожить русскую армию заставила Наполеона решить, как полагал Шамбрэ, уникальный в своей стремительности марш на Москву. Этот марш с неизбежностью «принял характер варварского вторжения», когда местность совершенно разорялась передовыми частями армии, обрекая всех остальных на голод и болезни. Перекличка 2 сентября в Гжатске, накануне генерального сражения, показала, что у Наполеона могло быть в строю не более 133 тыс. 819 чел. Данные переклички включали и тех, кто должен был присоединиться к главным силам в течение 5 дней, но, как заметил Шамбрэ, успели подойти далеко не все.

Накануне Бородинского сражения Наполеон наиболее опасался того, что русские могли вновь продолжить свое отступление. Это

обстоятельство предопределило общий план генеральной битвы. Проанализировав приказы, отданные Наполеоном 6 сентября, автор представил этот план таким образом: император, отклонив свой левый фланг, сосредоточил усилия на взятии “трех редутов”, что позволило бы “столкнуть” русских до Московской дороги и отсечь им путь к отступлению; большая часть армии М. И. Кутузова должна была, таким образом, оказаться зажатой в угол между р. Колочью и р. Москвой.

Результаты битвы Шамбрэ оценил как недостаточно полный успех французской армии. Причины этого он видел в нерешительности Наполеона в день сражения, что, в свою очередь, объяснял досаждавшим императору насморком. Во время поворотного момента в сражении, когда русские флешы были взяты и надо было бросать в огонь гвардию, Наполеон промедлил половину часа и упустил шанс добиться полной победы. Русские успели укрепиться впереди д. Семеновское, а рейд их кавалерии, несмотря на его относительно слабый успех, задержал французскую атаку на “большой редут”.

В целом, книга Шамбрэ знаменовала собой выход французской исторической науки в изучении Бородинского сражения на новый уровень, предположивший опору на строгий документальный материал и сознательный уход от каких-либо предвзятых оценок. По большому счету, французская историография и по сию пору не смогла предложить исследования, более глубокого и строгого, чем труд ветерана русского похода полковника Шамбрэ.

Как уже отмечалось, в 1823 г. Г. Гурго, ординарец Наполеона в 1812 г., спаситель императора от русских казаков в 1813 г., и верный его слуга на о. Св. Елены, совместно с Монтолоном, не менее известным наполеоновским генералом, публикует воспоминания великого императора. Шаг за шагом, несмотря на притеснения тогдашних властей Франции, они борются за воссоздание героического ореола вокруг имени умершего властителя Европы. Тем большее их возмущение вызвала публикация в 1824 г. двухтомной книги Ф.П. Сегюра, бывшего в 1812 г. бригадным генералом и главным квартирмейстером Главной квартиры императора, “История Наполеона и Великой Армии в 1812 г.”^{ix} Своим литературно-историческим творением бывший наполеоновский генерал надеялся снискать лавры великого писателя и знатока

человеческих душ, чье бессмертное полотно затмило бы славу самого Наполеона. Но напыщенность, соединенная с искусственной драматизацией событий, составила только одну из черт его произведения. Сегюр, фактически одним из первых, обратился к “человеческой” и “психологической” сторонам в разработке темы Наполеона и Бородинского сражения. Он попытался показать, хотя и не всегда убедительно, как мучительно принял мал Наполеон решение двигаться на Москву в погоне за русской армией и как быстрота этого движения приводила к расстройству войск и к столкновениям характеров и темпераментов среди французского генералитета (на пример, между Даву и Мюратом).

Численность войск под Бородином Сегюр определял приблизительно: и с той и с другой стороны по 120 тыс. чел. и примерно по 600 орудий. Размышляя о преимуществах русских войск, он отметил естественную защиту местности, “единство мундира” и единство идеи людей, защищавших свою Родину; но говорил и о многочисленных рекрутах и ополченцах, что ослабляло русскую армию. И наоборот, пестрота мундиров Великой армии компенсировалась наличием большого числа опытных солдат. Значительно выше оценивал Сегюр и моральные качества французского солдата по сравнению с русским.

Особое внимание Сегюр заострил на самочувствии Наполеона накануне и в день сражения. Вследствие простуды и обострения мочеиспускательной болезни император проявил 7 сентября “ленивую мягкость, лишенную всякой энергии”. Вслед за Шамбрэ Сегюр обратился к вопросу об отказе Наполеона послать гвардию в огонь, чтобы завершить битву полной победой. Эта тема проходила через все путаницы, посвященные Бородинскому сражению. Автор отметил полную истощенность французской армии к вечеру 7 сентября. Количество русских пленных Сегюр полагал менее чем в 800 чел. Не поднимая вопроса о русских потерях, французские он определил цифрой около 40 тыс. В целом, Сегюр попытался более или менее последовательно изложить ход великой битвы, отдавая, правда, предпочтение красочным эпизодам и допуская явные передержки в угоду драматизации событий.

Нет ничего удивительного в том, что книга Сегюра встретила неоднозначную оценку у современников. Многие из тех приверженцев

покойного императора, которые продолжали обожествлять его образ и не могли, или не хотели, приспособиться к новым реалиям бурбоновской Франции, отнесли к творению Сегюра как к предательству. Особенно неистовствовал темпераментный Гурго, который сразу бросился писать отповедь клеветнику, и уже на следующий год издал собственную книгу “Наполеон и Великая Армия в России, или критический разбор работы г-на графа Ф. де Сегюра”^x. Гурго поставил перед собой задачу во что бы то ни стало опровергнуть все то, что Сегюр написал — и о императоре, и о событиях Бородинского сражения. Бородинская битва, по Гурго, была не просто выиграна Наполеоном, но и выиграна блестяще, следствием чего и стало занятие русской столицы французской армией. Гурго полагал, что план императора, сводившийся фактически к фронтальной атаке русских позиций, был единственно правильным, так как при попытке их глубокого обхода (тем более ночью и без проводников), Кутузов мог бы отойти и вновь избежать генерального сражения. Наполеон, и накануне, и в день битвы, демонстрировал кипучую энергию. Это в значительной степени и обусловило победу французского оружия. Его болезни обострились только в Можайске, но и там император продолжал интенсивно работать. Гурго решительно отверг обвинения Сегюра в том, что император отказался использовать гвардию: во-первых, Молодая гвардия была использована для сохранения поля боя, а во-вторых, атака гвардией могла и не иметь решительного результата и привела бы к расстройству главного резерва. Впрочем, по Гурго выходило, что было невозможно действовать при Бородино более разумно, чем действовал Наполеон.

Сегюр счел публикацию Гурго оскорбительной, как своего рода обвинение в лживости того, о чем он писал. Обмен письмами между ними в конечном итоге привел к дуэли, закончившейся, правда, без печальных последствий. К этому столкновению двух бывших наполеоновских генералов на “исторической почве” участники похода в Россию отнесли, видимо, по-разному, но особого резонанса он не произвел. Многие, зная неуживчивый характер Гурго, восприняли скептически и его книгу. Ж. Пеле, о котором речь пойдет далее, позже отметит, что он вообще не считает Гурго “в числе историков кампании” 1812 г., так как “уже одно название его сочинения указывает на его свойство и цель”^{xi}. Вместе с тем, этот первый спор о

Бородинском сражении, который его участники попытались столь “ненаучно разрешить, сыграл большую роль. Он рельефно, обозначил основные вопросы “бородинской темы”: результаты сражения; степень и характер влияния Наполеона как главнокомандующего на ход битвы; роль, которую сыграл отказ использовать гвардию на результаты сражения; и др.) Как Сегюр, так и Гурго, сделали известными для исторической науки и читателя целый ряд частных событий и деталей сражения.

В 1827 г. опубликовал свой труд другой участник похода — А.Фэн. В 1812 г. этот маленький ростом, удивительно исполнительный и точный человек, был секретарем кабинета Наполеона, и поэтому мог поведать о многом. Работа его, названная “Рукопись 1812 г.”^{xii}, в действительности была исследованием, сделанным не столько на основе собственных воспоминаний и сохранившихся у Фэна бумаг, сколько на базе опубликованных к тому времени материалов: 18-го бюллетеня, воспоминаний Наполеона, главного хирурга Великой армии Ж.-Д. Ларрея, книг Сегюра и Гурго... Пожалуй, Фэн был первым среди французов, кто воспользовался “Военной историей кампании в России” русского полковника Д. П. Бутурлина, вышедшей впервые на французском языке в 1824 г. Характерной особенностью книги Фэна, 2-й том которой начинался с событий Бородинского сражения, явилось стремление к максимальной фактологической точности. Сам же автор, ссылаясь на используемые материалы, предпочитал избегать того, чтобы делать собственные выводы и оценки. И все же его взгляд на Бородино просматривался. Силы сторон он оценивал как равные, в 120–130 тыс. чел., при том, что русские пользовались всеми преимуществами местности. План атаки Наполеон разработал с учетом опасности отхода русских войск в случае попытки французов обойти их позиции. Сам император был деятелен, как накануне, так и в ходе самого сражения (он “видел все, и заботился обо всем”). Однако ряд инцидентов в самом начале сражения (к примеру, выход из строя многих начальников в войсках Даву), наряду с упорным сопротивлением неприятеля, создал для французских войск серьезные затруднения. Героическими усилиями затруднения были преодолены, сражение выиграно, хотя и с серьезными потерями (потери французов Фэн оценил в 22 тыс. чел. выбывших из строя).

Почти одновременно с Фэном публикует свой четырехтомный труд

знаменитый А.-Г. Жomini^{xiii}. Будучи в 1812 г. начальником исторической секции в Генеральном штабе Великой Армии, некоторое время губернатором Вильно, а затем Смоленска, он не участвовал в Бородинском сражении. Однако, располагая достаточными материалами, в том числе уже вышедшими к тому времени работами, Жomini попытался обозначить место Бородинского сражения в общей стратегии Наполеона. Не пытаясь выносить окончательный вердикт по Бородину, великий военный писатель назвал основные причины, по которым Наполеон стремился к генеральному сражению (желание скорейшего разгрома русской армии и захват Москвы), и охарактеризовал сражение в целом. Наполеон, хотя и отбросил русскую армию, а затем вступил в Москву, все же не смог обеспечить стратегической победы. По многим частным выводам и оценкам книга Жomini перекликалась с работой Шамбрэ.

Завершались 20-е гг. XIX столетия в изучении Бородина выходом обширной статьи генерала Ж.-Ж.-Ж. Пеле-Клозо, в 1812 г. штабного полковника, состоявшего при штабе помощника начальника генерального штаба по пехоте генерала Ж. Мутона^{xiv}. Пожалуй, это было наиболее взвешенное, глубокое и убедительное описание “сражения при Москве-реке”, вышедшее из-под пера участника великой битвы. Еще в ходе кампании Пеле успел составить точный журнал событиям при Бородине, который, к несчастью, потерял под Красным, но в начале 1813 г. по памяти восстановил. Наполеон, считал Пеле, ставя своею целью разбить русскую армию в генеральном сражении и двигаясь к Москве, вынудил тем самым русских принять баталию. Численность французской и русской армий Пеле оценивал, как в целом равные, но внутреннее состояние французских войск, конечно, ставил заметно выше состояния противника. Во время шевардинского боя, полагал автор, Наполеон был введен в заблуждение неточными картами и не понял “странного расположения” русской армии, думая, что войска генерала А. И. Горчакова, составлявшие шевардинскую группировку, только прикрывали арьергард генерала П. П. Коновницына. Если бы император имел возможность понять истинное предназначение Шевардинского редута как опоры русского левого фланга, считал Пеле, то это имело бы для русских “гибельные последствия”.

Подробно описав поле сражения, Пеле пришел к выводу, что

Наполеон не имел возможности понять назначение правого русского фланга, располагавшегося севернее Московской дороги, и счел, что дает “почти фронтальное сражение” армии Кутузова. Пеле, в целом согласившись с мнением Шамбрэ о сути наполеоновского плана сражения, отметил, что французские войска действовали против русских “концентрически”, не распыляя при своем продвижении наступающие колонны и артиллерию, а наоборот, сближая их друг с другом, как бы усиливая свой фронт и нанося большой урон неприятелю. Пеле считал, что только самоотверженность русских генералов “и непоколебимая храбрость солдат спасли Россию”, но отнюдь не искусство главнокомандующего Кутузова.

Подробно осветив ход боя за Семеновские высоты, автор попытался понять, почему героические усилия Даву и Нея не завершились окончательным успехом. Не возлагая ни на кого из французского командования персональной ответственности за это (за исключением Понятовского, да и то косвенным образом), Пеле показал обусловленность патовой ситуации в ходе сражения объективными обстоятельствами, проистекавшими из сложностей руководства боем и из случайных моментов. Блестящий захват батареи Раевского, на которую после падения семеновских укреплений опирался левый фланг неприятеля, также не привел к полной победе: оставались горкинские укрепления, обеспечившие отход русской армии. Наполеон, как признал Пеле, “был не очень доволен следствиями сражения”. Пленных почти не было. Ссылаясь на Ларрея, Пеле предположил французские потери в 21–22 тыс. чел., а русские (вслед за Бутурлиным) в 50 тыс. Основную вину за проигранное русской армией сражение автор возложил на Кутузова. Действия Наполеона, хотя и не лишены ошибок, он оценил достаточно высоко, в том числе и решение не посылать гвардию в огонь. Текст статьи Пеле сопровождал великолепными приложениями, состоявшими из приказов на сражение, карты и данных переключки на 2 сентября.

Наступили 30–е гг. XIX в. Уходили из жизни многие ветераны наполеоновских войн, свидетели и участники Бородинского сражения. В 1830 г. умер маршал Л. Гувион–Сен–Сир, находившийся с 1819 г. в отставке и занимавшийся вплоть до своей смерти сельским хозяйством и воспоминаниями. Вышедшие в 1831 г. его мемуары^{xv}, казалось, не могли внести чего-то нового в изучение Бородинского

сражения, тем более, что сражаясь у Полоцка, он не был участником великой битвы. Однако суждения покойного маршала оказались не лишены интереса. Имея огромный опыт и проанализировав материалы о Бородинской битве, он пришел к однозначному выводу, “что под Можайском во французских атаках не было точности и в особенности связи, что могло сообщить им только деятельное участие главнокомандующего”. Хотя русские отступили, “но они не были разбиты”. Потери русской армии “почти вознаграждались потерями Наполеона; и на стороне русских было то огромное преимущество, что беспрестанно получаемые ими подкрепления должны были вскоре изгладить следы ее (потери. — В.З.), между тем пустота, открывшаяся в наших рядах, не пополнялась”. Сен-Сир пришел к мнению, что единственным способом разбить русскую армию при Бородино, а тем самым и вынудить Александра I к миру, было введение в бой гвардии, чего Наполеон сделать так и не решился.

Через 11 лет после смерти А.–О.–Л. Коленкура, обер-шталмейстера императора во время русского похода, вышли его воспоминания^{xvi}. Как и можно было предполагать, воспоминания Коленкура не только сделали известными многие новые детали Бородинской битвы, но и вообще вышли за рамки собственно воспоминаний, став своего рода исследованием о событиях 1812 г. По уверению автора, Наполеон был убежден, что его продвижение к Москве с неизбежностью заставит русскую армию принять сражение. Он полагал, что в своем стремлении “угодить дворянству” новый русский Главнокомандующий Кутузов будет вынужден принять бой, проиграет его, а это, в свою очередь, даст возможность Александру пойти на мирные переговоры с Наполеоном, “избежав упреков и порицаний со стороны русских вельмож”. Опасаясь отхода русской армии, император решил на фронтальный бой, что обусловило нерешительные результаты сражения. Особую роль в этом сыграл отказ от использования гвардии, что, впрочем, Коленкур и не осуждал и не одобрял. “Эти успехи без пленных, без трофеев, — писал Коленкур об императоре, — не удовлетворяли его”. Говоря о катастрофическом состоянии французской армии после сражения, Коленкур дал понять, что Наполеон не достиг своей цели и что взятие Москвы без разгрома русской армии было обесценено. Особое внимание при описании Бородинского сражения Коленкур, конечно же, уделил героической

смерти своего брата — генерала Огюста-Жана-Габриэля, овладевшего, по мнению автора, Курганной высотой.

В 1842 г. увидели свет воспоминания бывшего инспектора смотров в кабинете начальника Главного штаба Великой Армии П.-П. Денье^{xvii}. Его свидетельства и размышления о Бородинской битве, но особенно цифры потерь, которые он приводил, сыграли большую роль в зарубежной историографии великого сражения. Не претендуя на глубокий анализ сражения, Денье остановился на поведении Наполеона в те дни, отметив его кипучую деятельность 5-го и 6-го сентября: “Он видел все, он предвидел все, он был всюду как в самые прекрасные дни своей славы”. Однако 7 сентября Наполеон с раннего утра страдал от сильной головной боли, и его влияние на ход битвы оказалось более скромным, чем приходилось ожидать ранее. Численность русских войск Денье оценивал в 160 тыс.чел., а французских — не более чем в 140 тыс. Денье был первым, кто попытался во французской историографии не произвольно, но на основе документальных материалов, оценить потери Великой армии. Он привел цифры рапорта, сделанного им на основе данных начальников корпусных штабов в Москве и представленного начальнику Генерального штаба маршалу Бертье (вероятно, 21 сентября): 49 выбывших из строя генералов (из них 10 убитых), 37 выбывших полковников (10 убитых), 6547 офицеров, унтер-офицеров и солдат убито и 21453 ранено. Одновременно Денье представил Бертье список убитых и раненых 5 и 7 сентября 1812 г. генералов и полковников, который, как нам представляется, был не совсем точным. Так, значившийся в списке бригадный генерал П.-Ж. Гратьен был ранен не под Москвой, а под Смоленском; полковник Тулуз 12-го линейного полка был смертельно ранен еще под Валутиной горой, и т.д. Это заставляет нас признать данные Денье нуждающимися в дальнейшей проверке.

Пожалуй, книга Денье была единственным достойным вкладом французских авторов в историографию Бородинского сражения в 40-е гг. XIX в. В целом же, в это десятилетие преобладали большей частью поверхностные издания, ставившие единственной целью романтизировать время наполеоновских войн, противопоставляя его лишенной героике эпохе июльской монархии. Стоит упомянуть только работу убежденного бонапартиста Э.-М. Сент-Илера, второй том

которой повествовал о Бородинском сражении^{xviii}, хотя и ей в полной мере была присуща односторонность и научная ограниченность. Отсутствие критического анализа событий, слабое введение в научный оборот новых и односторонний отбор прежних источников, были ее характерными чертами.

Несколько меняется ситуация в 50-е гг. XIX в. Эпоха кануна, установления и расцвета II Империи не просто способствовала увеличению количества выходящих по наполеоновской тематике работ, но и, казалось, способствовала их качественному росту. Открывал десятилетие выход воспоминаний Л. Ф. Лежена, в 1812 г. полковника, во время Бородинского сражения — адъютанта Бертье, ставшего после сражения начальником штаба Даву^{xix}. Человек удивительной судьбы, известный в свое время художник-баталист, он оставил не просто яркое свидетельство о “битве при Москве–реке”, но и попытался дать некоторый анализ этому событию, опираясь и на собственный опыт, и на знакомую ему литературу. Результаты битвы он определял как нерешительные, так как французы были вынуждены сражаться с более многочисленным противником (численность русских войск он определял в 160 тыс., не называя точной цифры своих), и к тому же укрытым “потрясающими” укреплениями. Но главную причину неудовлетворительных результатов битвы Лежен связал с бездеятельностью главнокомандующего, страдавшего в тот день от болезни. Все же, потери русских, по Лежену, заметно превосходили французские: 40 тыс. убитых и раненых у французов и 45 тыс. убитых и раненых у русских, не считая 5 тыс. пленных.

Вскоре, вслед за воспоминаниями Лежена, выходят работы Ф. Шапюи и П. Бертезена^{xx}. Если работа первого была достаточно поверхностной, то труд второго оказался не лишенным интереса. Работа Бертезена, опубликованная его сыном, представляла из себя воспоминания по названию, и историческое исследование по существу. Опираясь на опубликованные материалы, используя документы и карты военно-топографического депо, и, конечно, на свой опыт, Бертезен, который в 1812 г. был бригадным генералом в дивизии Молодой гвардии А.–Ф. Делаборда, но участвовал в Бородинской битве, по пытался показать общую картину сражения. Наиболее интересными были его рассуждения о потерях французской армии. Он полагал их примерно в 22600 чел., так как, исходя из

собственного опыта знал, что командиры час тей, не желая подавать рапорты о тех солдатах, которые по тем или иным причинам оказались вне полков, нередко указывали потери большими, чем они были в действительности. Автор считал, что в Москве армию догнало примерно 4–5 тыс. солдат, внесенных в рапорты как выбывшие из строя.

Работа Бертезена пользовалась заметным авторитетом среди последующих исследователей. Но гораздо больший резонанс получил 14-й том “Истории Консульства и Империи” Л.–А. Тьера, посвященный русской кампании^{xxi}. Хотя работа Тьера вышла, фактически, без каких-либо ссылок на источники, было очевидным, что автор основательно с ними по зна комился, в том числе и с рядом неопубликованных документов. Од на ко сильная сторона книги была до известной степени обесценена слишком вольной интерпретацией событий в угоду яркости изложения и остро сю жет ности. Более того, Тьер не затруднял себя сопоставлением и проверкой фактов, однозначно решая вопрос выбора в пользу занимательности.

Говоря о подготовке Наполеона к генеральному сражению, Тьер це ликом опирался на выводы своих предшественников (Шамбрэ и др.), согла шаясь с ними и высоко оценивая план императора. Численность сил он определял в 127 тыс. у французов и в 140 тыс. у русских, включая 20 тыс. иррегулярных войск. Само сражение Тьер старался описать подробно, но почти не пытаясь подвергнуть его ход анализу. Следуя за многими своими предшественниками, он сетовал на слабую активность Наполеона в день сражения из-за простуды и на отказ последнего от решительного использо вания гвардии. Впрочем, это решение императора, который во что бы то ни стало хотел сохранить последний резерв вдалеке от Франции, Тьер воспри нял как свидетельство ошибочности самого русского похода. Результаты битвы автор оценил как победу, но “не абсолютно полную”; потери — в 20–21 тыс. выбывших из строя у французов (из них 9–10 тыс. убитыми) и 60 тыс. у русских. Пожалуй, единственным по-настоящему новым моментом в работе Тьера была попытка возложить часть ответственности за ограничен ный успех сражения на Богарне, который в нужный момент не проявил “горячей активности” и не поддержал генерала Ш.–О. Бонами, захватившего Курганную высоту.

Последний тезис почти немедленно нашел отпор в работе А. Дю

Касса, опубликовавшего корреспонденцию Богарне и снабдившего ее своими собственными комментариями^{xxi}. Дю Касс указывал на то, что Богарне пришлось действовать в изоляции от основной армии, испытывая сильнейшее давление русских, в том числе кавалерии Ф. П. Уварова и М. И. Платова. В целом, действия вице-короля автор оценивал высоко. Что же касалось опубликованных Дю Кассом документов, то они не повлияли на прежние представления исследователей о великой битве.

Более интересной оказалась публикация корреспонденции императора за 1812 г.^{xxii}. Составителям этого издания, трудившимся над ним по распоряжению Наполеона III, удалось поместить материалы, проливавшие некоторый свет на место генерального сражения в общем стратегическом замысле императора, и освещавших деятельную и многостороннюю подготовку к битве. Документы, в целом, подтверждали прежнюю мысль о стремлении Наполеона уничтожить русскую армию в генеральном сражении, занять Москву и обеспечить заключение мира. Вместе с тем Наполеон, судя по документам, не исключал и более неблагоприятного для него исхода событий. Эта мудрая предусмотрительность, как мы полагаем, и повлияла на отказ от использования значительной части гвардии в ходе генеральной баталии.

Достаточно важными в плане освещения боя за Семеновские высоты были публикации воспоминаний П. Пельпора, командира 18-го линейного корпуса Нея, биографии генерала Л. Фриана, написанной его сыном, также участником сражения, бывшим адъютантом отца, и особенно мемуаров Р.-Э.-Ф. Ж. Монтескье, герцога (в 1812 г. барона) Фезенсак^{xxiv}. Фезенсак, служивший в 1812 г. в чине начальника эскадрона адъютантом у Бертье, а после Бородинского сражения командиром 4-го линейного полка корпуса Нея, в 1863 г., пользуясь интересом публики к истории I Империи, выпустил полный вариант своих воспоминаний. Бородинское сражение было описано Фезенсак на основе компиляции материалов своих предшественников. Однако совершенно новой была оценка им состояния французской армии после боя. Приняв 12 сентября 4-й линейный полк, Фезенсак, ранее наблюдавший армию только из штаба, обнаружил истинное положение дел. «С первого дня я был поражен вымотанностью войск и их малой численностью. В штабах

ценили только результаты, не думая, чего они стоили, и они (Штабные. — В.З.) реально не знали состояния армии; но приняв командование полком, я ... узнал истинную степень несчастья. Никогда еще мы несли столь тяжкие потери; никогда еще моральное состояние армии не было столь поколеблено". Войско походило на армию, "потерпевшую поражение, это было тем более странно после решительного боя, победа в котором открыла для нас ворота Москвы". Впрочем, оценки Фезенсака, которые он подтверждал цифрами по своему полку и 25-й пех. дивизии, не привлекли особого внимания французских исследователей.

В целом, в годы II Империи, несмотря на заметную идеализацию императора и Великой армии в Бородинском сражении, французская историография смогла несколько расширить круг используемых источников и подтвердила тезис о нерешительных результатах сражения. Была также предпринята попытка немного расширить круг ранее обсуждавшихся проблем путем обращения к событиям на отдельных участках великой битвы. Проблема реальных потерь французской армии 5–7 сентября и состояния армии в целом продолжала оставаться дискуссионной.

Несмотря на сокрушительное поражение Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 гг. и крах II Империи, интерес к наполеоновской тематике и войне 1812 г. не погас. В 70-е гг. XIX в. были изданы материалы командира 3-го кавалерийского корпуса генерала Э. Груши и командира 2-й легкой кав. дивизии 2-го кав. корпуса генерала К.-П. Пажоля, которые предоставили исследователям ряд сведений, позволявших лучше понять состояние и действия 7 сентября резервной кавалерии. Были опубликованы и некоторые новые материалы маршала Даву^{xxv}. Новым моментом в публикации дневников и воспоминаний, касавшихся 1812 г. и Бородинской битвы, был массовый выход в свет материалов малоизвестных участников событий офицерского и даже сержантского состава. Были опубликованы воспоминания Жиро д'Элена, адъютанта генерала Ж.-М. Дессе, А.-А. Пион де Лоша, капитана гвардейской артиллерии, В. Дюпюи, адъютанта генерала Ш.-К. Жакино, Ж.Ф. Буларта, майора гвардейской артиллерии, полковника Т.-Ж.-Ж. Серюзье, начальника артиллерии 2-го кав. корпуса, майора К.-Ф.-М. Ле Руа, состоявшего при штабе Даву, О. Дютейе де Ламота, су-лейтенанта 57-го линейного

полка дивизии Компана, бумаги лейтенанта Ж.-Р. Куанье, ординара штаба императорской квартиры, капитана Б. Кастелана, ординара Главного штаба, и многих других. Не лишены интереса оказались также и некоторые полковые истории, в огромном количестве издававшиеся в последней трети XIX в.

Несмотря на такое обилие мемуарной литературы, французские исследователи в течение тридцати лет конца XIX в. почти совсем не пытались осмыслить новые материалы и сформировать обновленный взгляд на сражение. Из собственно исторических работ можно упомянуть только биографию генерала Дессе, написанную Ж. Дессе и А. Фолье, две книги П. Боппа об участии в битве полка Жозефа-Наполеона и 1-го кроатского полка, а также весьма беглый сюжет о Бородине в книге А. Рамбо^{xxvi}.

Завершался XIX в. выходом в свет солидного труда известного статистика французской армии А. Мартиньена^{xxvii}. Опубликовав цифры потерь среди офицерского состава французских войск и их союзников по дням сражений и по полкам, Мартиньен дал возможность представить интенсивность боевых действий каждой части в ходе Бородинского сражения. Несмотря на бесспорную ценность этих сведений, труд Мартиньена все же не повлиял на разрешение вопроса о том, каковы были точные потери французских войск 5–7 сентября 1812 г. Во-первых, данные оказались не совсем полными, во-вторых, судить о потерях среди рядового состава на их основании можно было только условно, а в-третьих, французские исследователи, к удивлению, почти совсем не воспользовались этими бесценными материалами.

Заметный интерес во Франции к русской кампании сохранялся вплоть до первой мировой войны. На протяжении 1900–1903 гг. военный архивист лейтенант Л. Г. Фабри опубликовал пять томов документов по русской кампании^{xxviii}. Подняв огромный массив материалов, в основном Военного архива в Париже, частично Национального архива Франции, некоторых частных коллекций, и даже запросив ряд немецких архивов, Фабри представил множество штабных документов, но, в основном, до 20 августа 1812 г. Сам Фабри сетовал на то, что документы о Бородинском сражении во французских архивах оказались малочисленными и очень разрозненными. И все же его издание оказалось очень полезным для

изучения Бородинского сражения. Эти документы позволили понять, как складывались представления французского командования о силах и планах русских и каково было состояние различных частей и служб Великой армии к концу августа.

Вместе с тем публикация Фабри могла вызвать у историков неверное представление о том, будто дальнейшие поиски архивных документов, непосредственно касавшихся Бородинской битвы, малопродуктивны. К счастью, этого не произошло. Вскоре генерал Дерикагэ издал бумаги Бертье и начальника штаба Мюрата А.-Д. Бельяра, среди которых оказался ряд документов, связанных с Бородино^{xxxix}. В 1912 г. А.Шуке издает три серии разрозненных бумаг по войне 1812 г.; большая их часть была из Военного архива, некоторые — из частных коллекций. Целый ряд материалов, опубликованных Шуке (журнал дивизии Фриана, письма генерала Ф.-М. Дюфура и др.), напрямую имели отношение к Бородинскому сражению^{xxx}. Однако, как ни странно, они не были замечены французскими исследователями, которые, впрочем, проигнорировали и многие материалы, опубликованные ранее Фабри и Дерикагэ.

Параллельно с бумагами Шуке вышла в свет биография генерала Ж. Д. Компана с приложением рапортов ряда полков 5-й дивизии корпуса Даву, участвовавших в боях 5–7 сентября, и рапортов самого Компана^{xxxi}. По всей видимости, некоторые историки (как, например, Тьер) пользовались этими документами еще до их публикации, но чрезвычайно фрагментарно. Документальная база продолжала расширяться и путем издания целой серии воспоминаний участников событий:

А.-Б.-Ж. ван Дедема ван дер Гельдера, командира бригады дивизии Фриана, лейтенанта Ю. Ф. Био, адъютанта генерала Пажоля, Ш. Франсуа, капитана 30-го линейного полка 1-й пех. дивизии, генерала Ш.-Н. д'Антуара, командовавшего артиллерией 4-го пех. корпуса, В. Бертрана, сержанта-карабинера 7-го легкого полка дивизии Жерара, и многих, многих других. Самым поразительным было то, что несмотря на такой объем ставших доступными источников, французская историческая наука даже не попыталась этим воспользоваться. В начале XX в. не было опубликовано ни одной работы, которая обращалась бы к теме Бородинского сражения (за исключением, пожалуй, упоминания Бородина в книге Б.-Р.-Ф. Ван Влежмена).

После первой мировой войны интерес французских исследователей к теме 1812 г. иссяк совсем, и начал медленно возрождаться только после второй мировой войны. В 1949 г. публикует свой 12-й том «Истории Консульства и Империи», освещавший русский поход, Л. Мадлен^{xxxii}. Но Мадлен не только не внес ничего нового в исследование Бородинского сражения, но, как справедливо заметил Н. А. Троицкий, даже отступил назад к Тьеру.

В 1963 г. вышла книга Ж. Риволе, посвященная генералам Ш.-А. Л. Морану, Л. Фриану и Ш.-Е. Гюдену^{xxxiii}. Книга была построена на уже известных ранее материалах и не претендовала на новое слово в исследовании «битвы при Москве-реке». Значительно больший интерес представляла работа К. Грюнвальда, создавшего калейдоскопическую картину 1812 г., основанную на отрывках из воспоминаний и работ участников событий с комментариями самого автора^{xxxiv}. Привлечение ряда воспоминаний русских и немецких участников сражения было совершенно необычным для французской историографии, которая основывалась почти исключительно на тех источниках, которые исходили от наполеоновской стороны. Несмотря на это, картина сражения у Грюнвальда оказалась слишком мозаичной, а работа слишком поверхностной.

Своего рода вершиной, впрочем, тоже относительной, стала книга Ж. Тири, потомка генерала Н.-М. Тири, получившего рану при Бородине^{xxxv}. Тири попытался опереться в своей работе на наиболее достоверные документы: переписку Наполеона, книги Фэна, Коленкура, Денье, Кастелана и др. В поисках ранее неизвестных материалов Тири обратился к неопубликованным бумагам генералов Теста, Тири, лейтенанта Лиотэ, которые, однако, только подтверждали то, что было известно и ранее из опубликованных документов тех же самых участников сражения. Уделив значительное внимание деталям в период подготовки и в ходе Бородинской битвы, автор тем не менее подошел к ним поверхностно, некритически воспринимая источники и не прибегая к их перекрестной проверке.

В отношении плана сражения, разработанного Наполеоном, Тири целиком следовал за Коленкуром, не пытаясь внести каких-либо своих уточнений. Французские силы он оценивал в 120 тыс., а французские потери давал по Денье. Русские потери, по его мнению, были около 50 тыс. чел. Какого-либо разбора хода сражения или его

последствий Тири предпочел избежать. В целом же, хотя автор и старался выдержать сдержанный и беспристрастный тон, он не смог сделать более того, как просто пересказать ход событий.

Не пошел далее Тири и другой автор, Ж. Блонд, издавший в 1979 г. книгу «Великая Армия. 1804–1815»^{xxxvi}. Он вновь привлек внимание к состоянию здоровья Наполеона накануне и в ходе сражения, пересказав уже известные вещи.

Один момент в его работе все же заслуживал внимания. Приводя данные Денне о французских потерях, Блонд считал необходимым усомниться в их абсолютной точности. По его мнению, в эти цифры не были включены пропавшие без вести, число которых не поддавалось учету. Реальные французские потери автор полагал в 35 тыс., русские — в 45, а то и более.

Главным образом познавательный характер носила книга Т. Гранье и Ж. Карминьяни^{xxxvii}. Авторы, демонстрируя уважительное отношение к стойкости русских в Бородинском сражении, вместе с тем весьма некритически воспроизвели все известные наполеоновские легенды, прежде всего о головной боли у императора как чуть ли не единственной причине неудачных результатов «москворецкой битвы». Французские потери они оценивали в 30 тыс., русские в 50 тыс. Любопытная для чтения публичная и сопровождаемая большим иллюстративным материалом, работа носила поверхностный, популяризаторский характер.

Значительно большая глубина анализа была продемонстрирована Ж. Гарнье в маленьком очерке «Бородино» к знаменитому «Словарю Наполеона» Ж. Тюляра^{xxxviii}. В ходе сражения автор выделил два периода: а) с 6 до 10 часов утра, когда центр сражения был сосредоточен у Семеновских укреплений; б) с 10 утра до 6 вечера, когда Наполеон предпринимал энергичные усилия с целью завершить оттеснение русских с оставшихся у них позиций. Последнее полностью не удалось завершить, так как, по мнению Гарнье, Наполеон напрасно не решился ввести в дело гвардейский резерв. Потери сторон автор определял традиционно для французской историографии: 30 тыс. французов (из которых 9–10 тыс. убитыми) и 50 тыс. русских (из них 15 тыс. убитыми).

В 1990 г. генералы Б.-Ж. Ле Сеньер и Э. Лакомб попытались на основе материалов Бородинской битвы проанализировать степень

воздействия глав нокомандующего на результативность боя^{xxxix}. Обратившись к материалам Се гю ра, Жомини, Коленкура, Шамбрэ, Бутурлина и других авторов, Ле Сеньер и Лакомб пришли к выводам о том, что координация в действиях французских войск 7 сентября оставляла желать много лучшего, а выход из строя всего командования 1-го пехотного корпуса в начальной фазе сражения вы звал вынужденное личное вмешательство в ход боя за “флеш” не только Даву, но и Нея, и Мюрата. Авторы критически отнеслись к отказу империатора вовлечь в сражение гвардию, так как, по их словам, “русская армия была на грани краха”, и надлежащий маневр гвардией привел бы к ее окончатель ному уничтожению. В целом, делали они вывод, Наполеон, будучи болен, не проявил под Москвой своей обычной решительности, что непосредствен ным образом и отразилось на всем ходе сражения. Этой статьей, собст вен но, и заканчивается современная французская историография Бородин ского сражения.

Подведем итоги. Французская историография Бородинского сражения прошла длительный и, во многом, плодотворный путь. Во-первых, французские историки в основном осветили главные моменты подготовки и хода ве ликой битвы и обозначили ряд ключевых проблем, а именно: место сраже ния в стратегических планах Наполеона; численность французских войск, их состояние; французский план предстоящего сражения; роль, которую сыграл отказ императора от полномасштабного использования гвардии; степень и характер воздействия главнокомандующего на ход сражения; наконец, поте ри сторон и результаты “москворецкой битвы”. Во-вторых, французские историки проделали значительную работу по выявлению и публикации боль шого массива разнообразных источников и, частично, ввели их в научный оборот.

Вместе с тем интерес французской исторической науки к Бородинской битве оказался отнюдь не постоянным, а после 1914 г. стал проявляться толь ко время от времени, накладывая на выходявшие работы отпечаток ско распелости и фрагментарности. К концу XX в. особенно остро стало ощу щаться отсутствие во Франции каких-либо историографических работ по 1812 г., что, в свою очередь, не давало и не дает новым авторам возмож ности пойти далее своих предшественников. В целом, главными недостат ками французской историографии Бородинского сражения можно считать следующие.

1. Французские историки, обращавшиеся к теме Бородинского сражения, игнорировали и игнорируют, за редким исключением, зарубежную литературу и зарубежные источники. Оставлены вне поля зрения (полагаем, что в ряде случаев, сознательно) многочисленные немецкие, польские, англо-американские и, конечно же, русские (исключением следует считать только книгу Бутурлина) материалы и работы. Это обстоятельство имеет следствием не только обеднение источниковой базы, но и постоянное топтание французских исследователей последних десятилетий на месте, невозможность для них выйти за пределы уже давно обозначенной тематики и укоренившихся романтизированных мифов.

2. Обращает на себя внимание отсутствие попыток комплексного использования доступных источников, в том числе даже французских. Большая часть опубликованных во Франции документов, дневников и мемуаров почти не введена в научный оборот самими французскими исследователями.

3. Почти прекратилось выявление новых материалов по истории Бородинского сражения и по войне 1812 г. в целом. Попытка Тири привлечь ряд новых документов из частных коллекций и Национального архива оказалась не только единственной за последние десятилетия, но и очень слабой. Между тем, французские архивы продолжают хранить в себе огромные пласты неопубликованных бумаг по русской кампании и Бородинской битве^{x1}

В целом, полагаем, что французская историческая наука не смогла реализовать всех своих возможностей в создании точной, исторически достоверной картины Бородинского сражения, объективно оценить его место и в истории русской кампании, и в европейской истории XIX в.

Примечание

ⁱ *Васютинский А.М.* Отечественная война во французской исторической литературе // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962; *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991, с.97–112.

ⁱⁱ Dix-huitième bulletin // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et Saxe. P., 1821, p. 99–104.

ⁱⁱⁱ Correspondance de Napoléon I. T.24. P., 1868, p. 206. №19181; The letters of napoleon to

-
- Marie-Louise. L., 1935, p. 67. Первое французское издание писем Наполеона вышло в том же году.
- ^{iv} *Bourgeois R.* Tableau de la Campagne de Moscou en 1812. P., 1814; *Durdent R.-J.* Campagne de Moscou en 1812. P., 1814.
- ^v *Labaume E.* Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814. Одновременно вышло и лондонское издание.
- ^{vi} *Vaudoucourt F.-F.-G.* Mémoires pour à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. T. 1-2. L., 1815.
- ^{vii} Bulletins officiels., p. 125-136. Рапорты также опубликованы в: *Langlois C.-J.* Panorama de la bataille de la Moscowa. P., s.a.
- ^{viii} *Chambrey G.* Histoire de l'expédition Russie. T.1-3. P., 1823.
- ^{ix} *Séguir F.-P.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. T. 1-2. P., 1824. Книга десятки раз переиздавалась как на французском, так и на других языках. Существующие русские переводы, к сожалению, слабые и неполные.
- ^x *Gourgaud G.* Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou critique de l'ouvrage de m. Le comte Ph. de Séguir. P., 1825.
- ^{xi} *Пеле Ж.* Бородинское сражение // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1872, Кн.1. М., 1872, с.65. Примеч. 2.
- ^{xii} *Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. T. 1-2. P., 1827.
- ^{xiii} *Jomini A.-H.* Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui meme au tribunal... T. 1-4. P., 1827.
- ^{xiv} *Pélet J.-J.-J.* Bataille de Moscowa // Spectateur militaire. VIII. 1829-1830. Русский перевод, указанный в примеч. 11, выполнен вполне сносно.
- ^{xv} *Gouvion-Saint-Cyr L.* Mémoires. T.1-4. P., 1831. Сюжет о Бородинском сражении — в 3-м томе. Мемуарам Сен-Сира предшествовала публикация более краткого дневника: *Journal*. P., 1821.
- ^{xvi} *Caulaincourt A.-A.-L.* Souvenirs du duc de Vicence. T. 1-2. Bruxelles, 1838. Более полное издание, сопровождающееся хорошими примечаниями, среди которых помещены выдержки из "Дорожного дневника" Коленкура, вышло в 1933 г. Русское издание: *Коленкур А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
- ^{xvii} *Denniée P.-P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842.
- ^{xviii} *Saint-Hillaire E.-M.* Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. T.2. P., 1846.
- ^{xix} *Lejeune L.-F.* Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1850. Имеется 2-е изд. 1895 г., текст которого несколько сокращен.
- ^{xx} *Chapuis F.* Bataille de la Mockowa // Bibliothèque historique et militaire. T.7. P., 1853; *Bertézène P.* Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. T.2. P., 1855.
- ^{xxi} *Thiers L.-A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. T.14. P., 1856.
- ^{xxii} *Du Casse A.* Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. T.7-8. P., 1858 (1860).
- ^{xxiii} Correspondance de Napoléon I...
- ^{xxiv} *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. T.2. P., 1857; *Friant J.-F.* La vie militaire du... Friant. P., 1857; *Frézencac M.* Souvenirs militaires. P., 1863. Краткий вариант мемуаров:

Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1849.

^{xxxv} Mémoires du maréchal De Grouchy. T.3. P., 1873; Pajol, général en chef, par la général de division comte Pajol son fils aîné. T.3. P., 1874; *d'Eckmül A.-L. (de Bloqueville)*. Le maréchal Davout. T.3. P., 1880; *Mazade*. Correspondance du maréchal Davout. T. 3. P., 1885.

^{xxxvi} *Dessaix J., Folliet A.* Le général Dessaix. Chambery; Paris; Genève, 1879; *Boppe P.* Les Espagnols à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1899; *Boppe P.* La Croatie militaire... Paris; Nancy, 1900; *Rambaud A.* Français et Russie, Moscou et Sebastopol. 1812–1854. P., 1852.

^{xxxvii} *Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés... P., 1899.

^{xxxviii} *Fabry L.-G.* Campagne de Russie (1812). T.1–5. P., 1900–1903.

^{xxxix} *Derrecagaix*. Le maréchal Berthier. T.2. P., 1905; *Derrecagaix*. Le lieutenant–général comte Belliard. P., 1908.

^{xxx} *Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. P., 1912. Ser. 1–3.

^{xxxxi} *Ternaux-Compans*. Le général Compans... P., 1912.

^{xxxii} *Madelin L.* Histoire de Consulat et de l'Empire. T.12. P., 1949.

^{xxxiii} *Rivollet G.* Général de bataille Morand; généraux Friant et Gudin... P., 1963.

^{xxxiv} *Grönwald C.* La Campagne de Russie, 1812. P., 1963.

^{xxxv} *Thiry J.* La Campagne de Russie. P., 1969.

^{xxxvi} *Blond G.* La Grande Armée. 1804–1815. P., 1979.

^{xxxvii} *Tranie J., Carmigniani J.-C.* La Campagne de Russie. Napoléon — 1812. P., 1981.

^{xxxviii} *Garnie J.* Borodino // Dictionnaire Napoléon. P., 1987, p. 269–270.

^{xxxix} *La Seigneur B.-J., La Combe E.* La valeur du commandement: l'exemple de la Moskowa // Revue historique des armées. T. 181, p. 64–72.

^{xl} Напомним, что одно время в отечественной исторической науке было распространено мнение, высказанное А. З. Манфредом, будто “архива Великой армии”, сожженного в Орше во время отступления, не существует и искать его не имеет смысла. В 1990 г. Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский попытались это убеждение опровергнуть. По-видимому, они правы. Хотя и не существует какого-то единого документального комплекса французских бумаг по 1812 г., это не означает, что их нет. Это подтверждают работы французских Шамбрэ, Пеле, Фабри, Шуке и Тири, и особенно, поляка М. Кукея. Различные каталоги и указатели по французским архивам свидетельствуют о том же: большая часть материалов Великой Армии 1812 г. не введена в научный оборот.